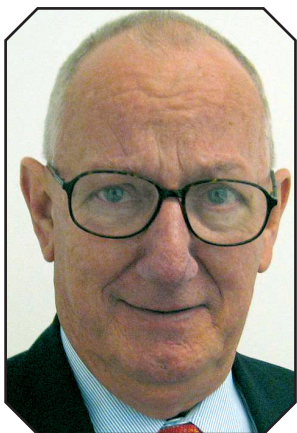

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Х. де Блей

Власть места

БЛЕЙ Харм де (Blij Harm de; 1935–2014) — американский географ; был редактором телевизионного шоу ABC's «Good Morning America» («С добрым утром, Америка») и редактором журнала *National Geographic*, а также автором книг по географии.

Источник: Blij H. de. 2009. *The Power of Place: Geography, Destiny, and Globalization's Rough Landscape*. Oxford; New York: Oxford University Press.

Публикуется с разрешения издательства Strelka Press.

Многочисленные книги и статьи, опубликованные в последние годы, утверждают, что в современном мире всё настолько подвижно и настолько взаимосвязано, что он сделался «плоским» (flat) — эта ставшая известной формулировка часто повторяется разными авторами. Ограничений, существовавших с древности, больше нет, люди из разных стран и с разных континентов могут спокойно общаться, миром правит свободная торговля, миграция повсеместна, и для потока идей (а также денег и рабочих мест) нет никаких препятствий, так что география, по мнению многих, ушла в историю. Представление о том, что место продолжает играть ключевую роль во всё ещё пёстрой мозаике человечества, рассматривается как устаревшее.

В книге Харма де Блея природные и культурные ландшафты рассматриваются для того, чтобы оценить положительную и отрицательную роль места во всемирном движении к интеграции, мобильности и взаимосвязанности. Несмотря на все перемены, которые уже произошли, на то, что многие стали свободнее, чем раньше, место рождения до сих пор оказывает сильное влияние на судьбы миллиардов. При всей декларируемой мобильности людей подавляющее большинство умрут относительно близко от того места, где родились. Несмотря на «уплощение», которое ощущают и смакуют некоторые, мир по-прежнему угрожающе неровен. В том, что касается личной безопасности и здоровья, обязанности религии и характера политического режима, мир по-прежнему представляет собой мозаику мест, ставящих своих жителей в самые разные обстоятельства и выдвигающих им самые разные требования. Что создаёт эту власть места и как её можно смягчить — темы для дальнейших размышлений.

Журнал «Экономическая социология» публикует первую главу книги де Блея — «Глобалы, локалы и мобалы» («Globals, Locals, and Mobals»). В ней автор ставит проблему своего исследования, рассматривает противопоставление «локалов» и «глобалов», объясняет мотивацию «мобалов», а также приводит аргументацию, почему география и «место» по-прежнему являются важными концептами для понимания современного мироустройства.

Ключевые слова: государство; горизонтальная мобильность; миграция; культура; глобализация; социальное неравенство; география.

Глава 1

Глобалы, локалы и мобалы

Быть может, на планете Земля далёкие расстояния преодолеваются проще и быстрее, чем раньше, но этот мир по-прежнему ошеломительно разнообразен в своём устройстве. От неравномерного распределения природных ресурсов до неравных возможностей — всё зависит от места. Многие сотни миллионов земледельцев в бассейнах рек Азии и Африки живут почти той же жизнью, какой жили их далёкие предки, до них ещё не добралась глобализация, и дети наравне со взрослыми страдают там от бедности, а их здоровье и жизнь постоянно подвергаются опасности. Десятки миллионов жителей изолированных горных долин — и в Андах, и на Балканах, и на Кавказе, и в Гималаях — прикованы к своим поселениям, как были прикованы их предки. Из семи миллиардов пассажиров лайнера «Земля» подавляющее большинство (несмотря на миф о массовой миграции) умрут в непосредственной близости от каюты, в которой родились.

Определять, какую одежду они будут носить в течение жизни, на каком языке говорить, какую веру исповедовать, какими болезнями болеть, какое образование получать, какие мнения высказывать и какое наследство получать, будет именно место, по-прежнему многое определяющее на планете. Есть регионы настолько бедные, что держат в плену бесчисленные миллионы людей, которые там рождаются, будут рождаться и, несмотря на глобализацию, не смогут покинуть свой край. Разрыв в уровне благосостояния между теми, кому повезло, и теми, кому повезло меньше, в значительной степени зависит от случая, но постепенно увеличивается в результате закрепления привилегий и власти за так называемым ядром мира и его представителями в других краях. Эти различия видны во всём и влекут за собой увеличение риска во времена, когда крепнет гнев и растёт разрушительная сила оружия.

В то же время становится всё более популярным мнение, что Земля «уплощается» под влиянием глобализации. Как отмечено в предисловии, глобалисты отказываются замечать, что различия между местами по-прежнему играют ключевую роль в пёстрой мозаике человечества, и видят лишь однородный мир без границ. «Плоскость» мира становится уже не частной точкой зрения, а общей посылкой, как следует из названий многих недавних книг и статей [Fung, Fung, Wind 2008].

И в самом деле, многие сферы «выравниваются», но не стоит полагать, что преимущества глобализации доступны каждому. Все мы и благословлены, и обременены местом нашего рождения и связанными с ним родным языком, системой убеждений и состоянием здоровья, экологической обстановкой и политическими обстоятельствами. Одно и то же место предоставляет различные возможности мужчинам и женщинам и ставит перед ними разные задачи. В нашем нынешнем порыве воспользоваться плодами «уплощения» мира не следует забывать, что точка, с которой мы стартуем, по-прежнему имеет значение, когда речь идёт о наборе возможностей в пределах досягаемости.

Таким образом, в этой книге рассматриваются разные места земного шара в экологическом, культурном, социальном, экономическом и политическом аспектах географии. Мы считаем, что особенности того или иного места продолжают значительно ограничивать мысли и действия человека, порождая (и, в некоторых случаях усиливая) неравенство, влияющее, с одной стороны, на отдельных людей и семьи и, с другой, на большие сообщества, население целых регионов. Эти различия настолько очевидны, что популярные сейчас представления о мире как о плоскости или о плавильном котле не способны их скрыть. Эти различия отражают всё ещё широко распространённую власть места. В некоторых районах различий меньше; например, в узлах и каналах глобализации, от Миннеаполиса до Мумбаи, где мантия единообразия укрывает высоты на горизонте, многополосные автомобильные дороги, «парки» офисов и торговые моллы, но в других местах различия сохраняются и даже усиливаются. В Восточ-

ном Китае торжество свободного рынка, символом которого является Шанхай, резко контрастирует с трагической ситуацией в сельских внутренних районах, где сотни миллионов людей обречены на нищее существование. В Индии широко разрекламированные возможности трудоустройства на растущие высокотехнологичные предприятия Бангалора, Гургаона (города рядом с Дели) и даже Калькутты (с 2001 г. её официальное название — Кóлката) могут привлекать сотни тысяч квалифицированных рабочих, но совершенно не имеют отношения к десяткам миллионов безземельных крестьян, живущих в глухих деревнях бассейна Ганга. Тысячи отчаявшихся африканцев каждый год садятся в лодки, непригодные для плавания по морю, в надежде достичь европейского материка. Это бегство продолжается уже на протяжении десятилетий, делает многих несчастными и влечёт за собой бесчисленные смерти. Для этих людей и для несметного числа других, которые слишком хорошо знают, что такое границы, понятие о плоском мире ничего не значит. Да, мир уплощается — для меньшинства, состоящего из тех, кому повезло, кто контролирует главные направления модернизации или имеет доступ к их благам. Но этих людей мало, и, судя по демографическим прогнозам, грядущий прирост человечества (который произойдёт перед тем, как население Земли стабилизируется в конце XXI века) увеличит население в самых бедных регионах. Это означает, что локалов (наименее мобильных, самых бедных и наиболее восприимчивых к воздействию места) будет становиться всё больше, особенно по сравнению с числом везучих глобалов, видящих мир лишённым границ.

Если кому-то кажется, что это утверждение противоречит экономическим моделям, в соответствии с которыми Китай и Индия продолжают богатеть и средний класс расцветёт практически везде, давайте обратимся к демографическим данным. В нашем разделённом мире всё население богатых стран растёт на 0,25 % в год, а население бедных стран увеличивается на 1,46 % [Cohen 2003]. Общеизвестно (и вызывает всё большее беспокойство), что население самых богатых стран мира (например, Японии и Германии) сокращается. Зато население сорока самых бедных стран, в которых живёт около 700 млн человек, растёт с невероятной скоростью — на 2,4% в год. А в некоторых крупных странах, где в целом статистика показывает устойчивый спад темпов естественного прироста, население части районов — обычно беднейших — продолжает расти. В Индии, например, перепись 2001 г. показала, что в Уттар-Прадеше, одном из беднейших штатов страны, население растёт очень быстро — на 2,55% в год (а в штатах Бихар и Джаркханд ещё быстрее), притом что в штатах Керала и Тамилнаде — примерно на 1% в год. Прогнозы, которые обещают, что население Земли будет расти всё медленнее и стабилизируется на уровне около 10 млрд к концу XXI века, звучат сомнительно, потому что в основном этот рост будет происходить в странах и регионах, в настоящее время считающихся беднейшими из бедных. Подавляющее большинство из трёх миллиардов людей, которые добавятся к нынешним семи миллиардам пассажиров лайнера «Земля», будет локалами, и лишь крошечное меньшинство — глобалами.

Мобалы и их мотивы

В лучшем случае сравнительно быстро будет расти число жителей, которым удастся присоединиться к сети глобализации, причём по своему выбору, а не от отчаяния. Сегодня ведутся бурные споры о том, следует ли рассматривать потогонную текстильную промышленность в странах с низким уровнем заработной платы как возможность для женщин вырваться из подавляющей их социальной среды или как эксплуатацию их монструозными корпорациями. Но в любом случае эти производства представляют собой лестницу, ведущую из каюты в трюме на палубу, откуда открывается вид, доступный не всякому. Эти (и другие) тяжёлые виды работы формируют социальную и налоговую мобильность, которая в итоге должна расширять возможности выбора, но исследования показывают увеличение разницы в уровне благосостояния и культурную дезориентацию работников. Тем не менее глобализация и мобильность тесно связаны, и труд даже на самых тяжёлых линиях сборки превращает местных жителей в мобалов. Надежда посылает крестьянина из Бангладеш на текстильную фабрику, китайского фермера — на восток страны, а бразильского земледельца — в Сан-Паулу.

Мобалы — это те, кто готов пойти на риск, оставить всё, к чему привык, чтобы попытаться счастья в новом, незнакомом месте; это и легальные мигранты, и те, кто пересекает границу без документов в поисках работы или пытаясь укрыться от войны и преследований. Переезжают специалисты высокого класса и неквалифицированные рабочие, врачи и сиделки, банкиры и каменщики. Мобалы — это транснациональные мигранты; они пересекают международные границы и являются агентами перемен. Миллионы людей переезжают с места на место в пределах родной страны и никогда не покидают знакомую среду обитания. Мобалы же в погоне за новыми возможностями часто искушают судьбу и иногда расплачиваются за свои устремления жизнями.

Отчаявшиеся беженцы, которые покидают свои дома во время войны и ищут в других странах убежища, это не мобалы. Подавляющее большинство пуштунов, миллионы которых бежали из раздираемого войной Афганистана во время советской интервенции и режима талибов, находили убежище по соседству, в Пакистане и Иране, где ждали возможности вернуться домой — и вернулись после свержения талибов. Два миллиона иракских беженцев, которые бежали в соседние Сирию и Иорданию во время хаоса, последовавшего за американским военным вторжением, также надеются вернуться домой. Беженцев гонят из родной страны конфликты. Мобалы едут за границу в поиске новых возможностей.

Пространство состязается со временем. Мобалы бросают вызов власти места, увозя с собой своё имущество и долги и вступая в конкуренцию в новых, незнакомых местах, чтобы жить в достатке и безопасности. Их мир быстро урбанизируется. Скоро уйдут в прошлое дни, когда «местный» (*local*) означало «сельский», а «глобальный» (*global*) — «городской». Большинство детей, которые появятся на свет в XXI веке, родятся в бедных странах, в агломерациях, насчитывающих 50 млн жителей или более, в метрополисах, отражающих фундаментальную трансформацию человеческого общества. Они будут мигрантами, которые сделают мир действительно интернациональным. Надежды многих воплотятся в реальность, их усилия будут вознаграждены, локальные ценности приспособятся к глобальному миру, и люди будут поступаться многим ради порядка и стабильности — главных целей глобалов, которые продолжают держать всё под своим контролем. В мире, наполненном всевозможным оружием, другого выбора нет.

Разделённое государство

Будущее нашей планеты зависит от развития отношений между глобалами и локалами. Глобалы выравнивают друг для друга игровые поля — в правительстве, промышленности, бизнесе или в других сферах, где принимаются решения, странствуя по миру от Давоса до Дохи. Встречи на высшем уровне, вроде саммитов «большой восьмёрки», узаконивают или санкционируют действия, которые могут вредить локалам, чьи голоса недостаточно сильны, чтобы их услышали. Именно глобалы, а не локалы строят системы безопасности и барьеры на пути миграций. Именно глобалы, а не локалы мобилизуют армии, которые вторгаются в другие государства. Глобалы же перемещают производства из регионов с низкой заработной платой туда, где она ещё ниже, сея панику среди работников, и контролируют судьбу локалов и мобалов, часто не испытывая при этом ни жалости, ни сочувствия.

В этом, конечно, нет ничего нового. Изменился масштаб. Когда государства зависели друг от друга не так, как сегодня, а колониальные державы и правящие меньшинства могли действовать, не так сильно задумываясь о международных последствиях, модель «глобалы — мобалы — локалы» функционировала в основном в отдельных странах. В 1950-х гг. я жил в Южной Африке и видел, как оформлялась система апартеида, из-за которого страна приобрела печальную известность; в 1951 г. были законодательно закреплены практики, которые уже давно сложились в стране, но никогда не были кодифицированы как государственная политика. Когда моя семья прибыла туда в конце 1948 г. из Нидерландов, мне быстро стало ясно, что де-факто правила расовой сегрегации применяются в одних частях страны

более строго, чем в других. Хотя дискриминация существовала везде, можно было обнаружить более свободные зоны в тогдашней Капской провинции, особенно в Кейптауне, а также в провинции Натал, особенно в её крупнейшем городе — Дурбане. Характер расовой сегрегации явно зависел от места. Во внутренних провинциях, не имевших выхода к морю, дела обстояли хуже, чем в городах на побережье. В маленьких провинциальных городах ограничения были более строгими, чем в крупных, где правила чаще нарушались (Нельсон Мандела занимал небольшую должность в йоханнесбургской юридической фирме, все остальные сотрудники которой были белыми). В городах и пригородах, где африканеры составляли большинство (часто названия таких мест связаны с субкультурой буров, например — Крюгерсдорп и Луис-Тричард), апартеид действовал в полную силу задолго до того, как стал правительственной политикой. Такая географическая особенность, порождённая комбинацией различных факторов, по-видимому, служила предохранительным клапаном в медленно интегрирующемся обществе [Mandela 1994].

Во всё ещё колониальные 1940-е гг. устройство Южно-Африканского Союза (так тогда называлась ЮАР) в некоторых отношениях отражало устройство всего мира. Белое меньшинство заложило политические, экономические и социальные основы государства. Темнокожие трудились на золотых и алмазных приисках, на фермах, выполняли общественные работы; белые присвоили себе средства производства, а также большую часть земли, пригодной для обработки. Создателями апартеида и их пособниками, в число которых входили не только африканеры, но и многие говорящие по-английски южноафриканцы, были глобалы. Они управляли экономикой из роскошных залов заседаний, водили автомобили по хорошим шоссе, связывавшим «белые» городские центры с элитарными пригородами, и контролировали внутреннюю африканскую миграцию в соответствии с требованиями рынка труда.

Локалами Южной Африки были африканские народы, которых европейцы окружили политическими стенами. Некоторые из них представляли собой нации, более многочисленные, чем их белые правители: зулусы в Натале, коса (Нельсон Мандела происходил из народа коса) в Восточной Капской провинции, сото в районах, прилегающих к королевству Лесото, тсвана во внутренних районах. У каждого народа была историческая родина; у каждого — особая культура и свои традиции. Сотни тысяч людей переместились с земель их предков на работу в рудниках, на фермах, в городах — в новую экономику. Но большинство оставались там, где родились сельских. Они были «самыми локальными» локалами, изолированными в своих жилищах, вдали от современной Южной Африки, которая строилась где-то далеко, за горизонтом.

Вскоре после того, как правительство, в котором доминировали африканеры, официально ввело апартеид в Южной Африке, историческое расселение коренных народов стало основой для этой системы. Под вывеской великого плана «автономного развития» исконные регионы африканцев были очерчены на картах и провозглашены национальными субъектами, которые стали называть республиками. Также их называли бантустанами. Они получили атрибуты государственности, включая столичные города, здания для собраний, школы и местную промышленность. Однако, когда всё было сказано и сделано, оказалось, что «национальные субъекты» занимают менее 15 % территории Южной Африки. Это были, по сути, внутренние колонии, которые никогда не смогли бы стать самостоятельными. Они обеспечивали большую долю рабочей силы, которая требовалась Южной Африке. Но бантустаны способствовали господству глобалов над локалами: каждый чёрный южноафриканец был обязан зарегистрироваться в качестве «гражданина» в «государстве» своих предков. Это означало, что каждый африканец, которому довелось жить и работать в той части страны, теперь отошедшей белым (а такие территории занимали более 80% площади страны), отныне был иностранцем на своей земле, временным мигрантом, которому рано или поздно придётся «вернуться» — даже если он родился, скажем, в Йоханнесбурге — в одну из отдалённых «республик». Более того, ни один чёрный африканец не мог голосовать в «белой» Южной Африке; избиратель-зулу мог зарегистрироваться в зулусской «республике», и более нигде.

Но всего этого ещё не случилось, когда, вскоре после прибытия в Йоханнесбург, я получил возможность увидеть ту Южную Африку, которой скоро суждено было исчезнуть. Мой отец, скрипач, должен был выступать на симфоническом концерте в Дурбане, и мы приехали с плато, где на высоте 1800 метров над уровнем моря расположен Йоханнесбург, в живописный портовый город с улицами, посаженными пальмами, с изящной набережной — и будто попали в другой мир. Дурбан был примерно на треть азиатским (в основном благодаря выходцам из Индии), на треть африканским (в основном зулу) и на треть белым. Среди белых потомки британцев значительно превосходили численностью африканеров. Перед концертом я стоял на балконе дурбанской мэрии и заметил то, чего не видел больше никогда: в задних рядах сидели несколько десятков азиатов и чернокожих, некоторые с билетами в руках, доказывая, что правило «только для белых», чётко прописанное в объявлении внизу, нарушалось кассирами (они были белыми), билетёрами, и не только ими. В последующие дни я заметил, что в автобусах не были строго разграничены места для чёрных и для белых (как это было в Йоханнесбурге); другие правила «мелкого апартеида» (*petty apartheid*) тоже обычно игнорировались.

В Кейптауне, где было запланировано следующее выступление моего отца, его друг взял меня с собой, чтобы показать огромный университет. И там я увидел новое доказательство того, что апартеид ещё не вошёл в самую силу. Кейптаун, как и Дурбан, был мультикультурным сообществом, но здесь значительная часть населения называлась цветными, что означало смешанное происхождение. В отсутствие удостоверений личности, где указана расовая принадлежность (они появились позднее), многие цветные граждане свободно перемещались по городу, пользуясь общественными благами, в основном беспрепятственно. В Кейптаунском университете я увидел цветных студентов в коридорах и аудиториях — нескольких африканцев и азиатов. Когда мы посетили правительственные здания, я узнал, что у цветных граждан Капской колонии было даже особое представительство в парламенте Южной Африки.

В правительственных кабинетах, однако, уже строилась машина апартеида. В течение трёхсот лет Южная Африка была ареной межрасовых и межкультурных контактов, конфликтов и компромиссов. Её природные богатства привлекали людей из самых разных стран, самого разного происхождения. Её экономический рост породил большую внутреннюю миграцию работников. Разнообразие природных и социальных условий привело к различным решениям неизбежных проблем сосуществования рас. Полвека после окончания Англо-бурской войны в Южной Африке правила партия с преобладанием британцев, которая не отличалась ни эффективностью, ни дальновидностью. Когда африканерская Национальная партия вышла на выборы 1948 г., предназначенные только для белых, её политическая программа основывалась на «угрозе» интеграции в Южной Африке. Создатели апартеида спланировали свою стратегию ещё до выборов. После их победы правила сегрегации уже выполнялись везде и всегда. Университетам в районах для белых больше не разрешат принимать студентов «неевропейского» происхождения. Давно происходившая интеграция жилых кварталов внутренних городов будет остановлена. Апартеид существовал на всех уровнях: микро- (личные удобства, такие как туалеты и скамейки в парках), мезо- (жилые зоны в городах) и макро- (регионально-территориальный уровень) [Domingo 2004]. Схема «автономного развития» была логическим завершением плана повторно и окончательно разделить Южную Африку. Южная Африка должна была стать «нацией наций». В ходе этого процесса понятия «нация», «республика», «развитие» и «правительство» определялись идеологией. Глобалы Южной Африки, отражения всего мира, должны были доказать, что разделение рас и культур — путь к стабильности в постколониальном мире и к устойчивой гегемонии; система, которая будет удерживать локалов на месте, а мобалов под строгим контролем.

Одним из главных уроков Южной Африки 1950-х гг. было (и остаётся) то, что некоторые режимы, свободные от международного контроля и не удерживаемые страхом многосторонних санкций или других непосредственных потерь, в состоянии подчинить население целых стран своим экономическим, культурным и стратегическим целям. В эпоху, когда колониальные державы мало следили друг за другом

и европейские диктатуры жёстко правили зависимыми от них африканскими регионами, белый режим в Южной Африке мог проводить политику сегрегации без риска для своего членства в Организации Объединённых Наций. Южноафриканские делегации и команды спокойно путешествовали по миру, участвовали и в международных экономических мероприятиях, и в спортивных, а глобалы Южной Африки наживались на ситуации в стране. В постколониальную эпоху, когда эта система вызвала во всём мире отвращение и осуждение, многие аналитики утверждали, что только режимы белых меньшинств могли быть настолько подлыми. Но императивы, породившие апартеид, были общечеловеческими, а не расовыми. Их можно найти сегодня, хотя и в других формах, от Мьянмы до Судана и от Северной Кореи до Зимбабве. Не встречаются ли они также в мире плоском и глобализированном?

До апартеида, но уже в сегрегированной Южной Африке, некоторым локалам удавалось преодолеть социальные, образовательные и экономические барьеры и найти в чужом мире для себя место, пусть и ненадёжное. То, что я увидел на вечернем концерте в мэрии Дурбана, было проявлением «южноафриканского парадокса», как я тогда назвал этот феномен в своём дневнике. Почему люди, которых унижали и отвергали, хотели носить западную одежду, слушать музыку европейских композиторов, соблюдать правила концертного зала глобалов? Почему они хотели посещать христианские церкви (африканеры часто использовали для оправдания апартеида цитаты из Библии)? Почему они хотели учиться в университетах, выпускавших ту самую элиту, которая угнетала их? Несмотря ни на что, к тому времени, когда режим африканеров сделал апартеид официальной политикой, десятки тысяч африканцев, цветных и азиатов составляли растущий средний класс — слой мобалов, которые обладали замечательным упорством и чья приверженность современным порядкам проявлялась в образе жизни.

Сторонники апартеида видели в этом угрозу, а не культурное и социальное достижение. Африканеры, находившиеся у власти, методично создавали препоны для тех, кому удалось преодолеть барьеры расовой сегрегации, подталкивая их, таким образом, к оппозиционной деятельности. В конце концов, это сыграло огромную роль в свержении апартеида. Долго сидевший в тюрьме Нельсон Мандела был ключевой фигурой в целом мирного изменения политической системы в Южной Африке, а другие оппозиционные лидеры, склонные, возможно, к революционным переменам, насилью и возмездию, ещё раз дали себя убедить, что должны принять обязательства по поддержанию социального порядка, который был сформирован не ими и ещё много лет будет нести на себе отпечаток апартеида. Править ЮАР стали новые люди, но старые проблемы сохраняются, как и в значительной части остального мира. Новым вызовом для Южной Африки стала революция растущих ожиданий — ожиданий рабочих мест, земельной реформы, жилья, образования. После десятилетий бездействия миллионы мобалов преобразовывают большие и малые города, создавая огромный сектор неформальной экономики, из которого мало что проникает в экономику формальную. Южная Африка — всё ещё зеркало мира. Она пока не перешла Рубикон.

Разделённый мир

Апартеид больше не уродует Южную Африку, но причины, которые вызвали к жизни эту систему, всё чаще обнаруживают себя в культурном ландшафте всего мира, от обнесённых забором посёлков в уважаемых пригородах до стен на границе между богатыми и бедными странами. В Южной Африке богатство было сосредоточено в городах, располагавшихся в основном на побережье, а бедными были бантустаны, поставлявшие сырьё и рабочую силу, благодаря которым существовала экономика страны, встроена, в свою очередь, в мировую экономику. В современном мире богатство сосредоточено в высокоурбанизированном и глобализированном регионе, в который входят страны Европы, Северной Америки, Восточной Азии и Австралии. Этот регион экономико-географы часто называют ядром мировой системы. Беднее всего на нашей планете африканская и азиатская периферии (см. рис. 1). Как показывает карта, практически все города мира с самыми высокими показателями качества

жизни лежат в этом ядре, которое с точки зрения демографии растёт медленно, в то время как бурно увеличивающиеся, хаотичные мегаполисы находятся на быстрорастущей периферии. Конечно, мир более плоский в богатом ядре и более неровный на периферии.

Рисунок 1 не передаёт всей ситуации. Мировая периферия состоит из беднейших стран, но не все они одинаковы. Если сравнивать между собой географические области, экономика Южной Америки заметно опережает Африку к югу от Сахары. В Восточной Азии данные государственной статистики по Китаю не отражают огромных контрастов между сельскими внутренними областями, где условия в некоторых районах настолько плохи, что туда не пускают иностранцев, и прибрежной зоной, где авторитарное правление в сочетании с рыночной экономикой создало «уплощение»: условия там во многом похожи на те, что характерны для ядра, по крайней мере, в том, что касается уровня жизни людей. Юго-Восточная Азия, возможно, не является частью мирового ядра, но Сингапур считается одной из самых успешных экономик мира, имеет очень высокий индекс качества жизни, и его часто упоминают как символ глобализации.

На карте виден результат тысячелетних изменений окружающей среды после окончания ледникового периода, многих веков колониализма и империализма, сельскохозяйственных, промышленных, технологических и политических революций, а также карта демонстрирует, что в глобализующемся мире тот, кто стартовал в лучших условиях, всегда имеет преимущество. Прошло то время, когда солнце никогда не заходило над Британской империей, но тем не менее Великобритания по-прежнему играет важную роль в мире, а Лондон остаётся одной из финансовых столиц. Богатство и влияние таких стран, как Нидерланды и Франция, сформировались тогда, когда их земли простирались от Центральной Америки до Юго-Восточной Азии. Мировое ядро, частью которого являются эти страны, включает и регионы, чьё коренное население было почти истреблено европейцами.

Ничто не подчёркивает контраст между ядром и периферией так явно, как демографические и экономические данные. Мировое ядро — это приблизительно 15% мирового населения, но почти 75% годового дохода стран мира (по объёму валового национального дохода, согласно данным Всемирного банка). На периферии живёт 85% населения планеты, которые получают лишь 25% от общего дохода.

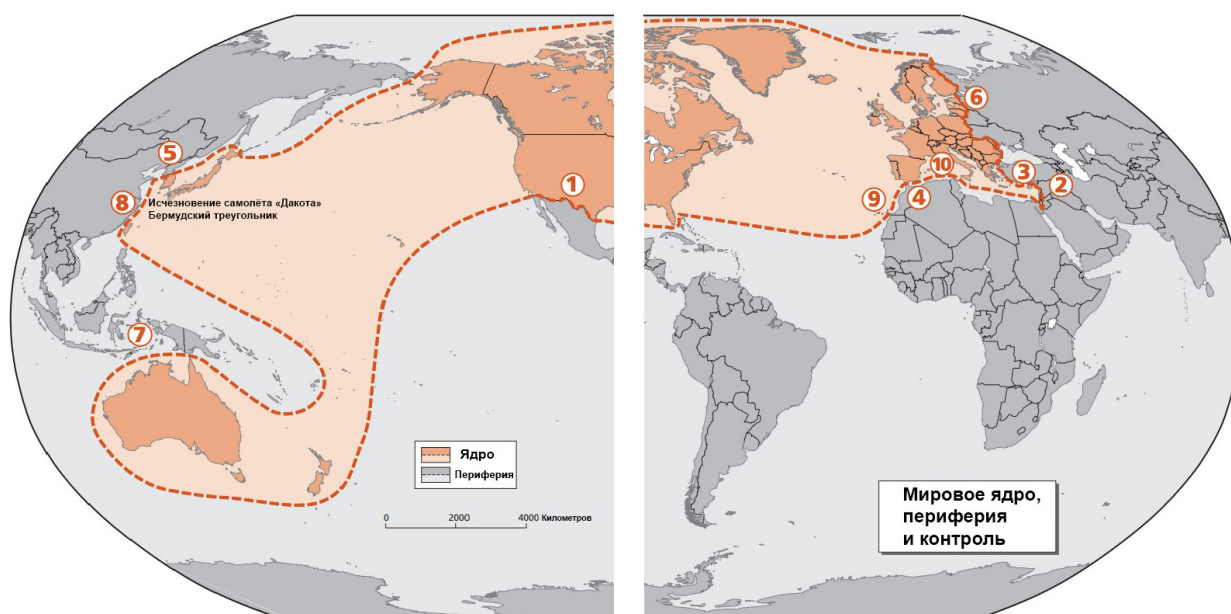
Потому-то ядро привлекает миллионы мобалов — от высококвалифицированных специалистов до беженцев, от нелегальных мигрантов до революционеров. Государства ядра не только самые богатые на планете; их власть продолжает ощущаться в странах периферии, и там порождает гнев и надежду. Большинство мигрантов, стремящихся попасть в страны мирового ядра, надеются найти там работу, и часто ради этого идут на огромный риск. Денежные переводы, которые отправляет домой один успешный мобал, могут прокормить большую семью в Мексике, Индии, Китае, на Филиппинах и во множестве других стран. Но у некоторых есть и другие цели, от организованной преступности до терроризма. Общими целями государств ядра являются контроль над иммиграцией и её регулирование.

Конечно, управление миграцией должно осуществляться во всех странах — и в тех, из которых уезжают, и в тех, в которые приезжают. Но такого сотрудничества оказалось трудно достичь. Когда Джордж Буш-младший вступил на пост президента в 2001 г., он заявил о своём намерении заключить с тогдашним президентом Мексики Висенте Фоксом соглашение о координации и регулировании миграции, чтобы вместе найти решение проблемы миллионов нелегальных мексиканских мигрантов, которые уже находятся в США. Об этой инициативе надолго забыли после событий 11 сентября 2001 г., а когда Буш решил вернуться к этой идее, общественное мнение стало жёстче, президенту США и его администрации стали доверять намного меньше, чем раньше, и комплексное решение вопроса миграции стало невозможно. По правде говоря, эта история лишь указывает на то, что и ранее было нормой: в мировом ядре проблемы обычно решаются по частям, разъединённо, а комплексные соглашения — редкость.

Как показывает карта (см. рис. 1), этот контроль принимает различные формы, но в итоге создаётся эффект разграничения ядра и периферии. Несомненно, наиболее знаменательное проявление этих усилий — демаркация границы между Мексикой и США (цифра 1 на рисунке 1) в соответствии с положениями «Закона о надёжной ограде» (Secure Fence Act.), который удлинил на 1100 км заграждения между двумя государствами. Также возвели дополнительные барьеры между сторонами Североамериканского соглашения о свободной торговле (США, Канадой и Мексикой), которое ставило своей целью поднять уровень жизни в Мексике и, помимо прочего, уменьшить факторы, побуждающие мигрантов рисковать жизнью. Ещё более крупным проектом (цифра 2 на рисунке 1) является продолжающееся строительство почти 700 км заборов, бетонных стен и зон отчуждения, которые окружают Израиль. В этом случае страну пытаются защитить от терроризма, а не от трудовой миграции, но проект не раз критиковали за возрождение методов апартеида [Carter 2007]. Печально известен как барьер так называемая Зелёная линия, разрезающая Кипр на две части — турецкий север и греческий юг (цифра 3 на рисунке 1); даже после вступления Кипра в Европейский союз в 2004 г. эта граница осталась. Также ограда окружает два небольших испанских эксклава на Средиземноморском побережье северной Африки (цифра 4 на рисунке 1): колючая проволока защищает города Суэту и Мелилью, в которые пытаются попасть нелегальные мигранты. Несомненно, самая длинная из существующих преград между ядром и периферией и самая известная — демилитаризованная зона (ДМЗ) между Северной Кореей и Южной Кореей (цифра 5 на рисунке 1), пересекающая полуостров, который делят между собой эти государства. Длина укреплений почти 250 км, а ширина четыре километра. Они настолько мощно охраняются с обеих сторон, что пересечь их практически невозможно. Построенная в 1953 г. в результате перемирия, положившего конец Корейской войне, ДМЗ стала символизировать разделение мира на ядро и периферию только после трансформации экономики и демократизации политической системы в Южной Корее. Остальные барьеры, маркирующие восточную границу Европейского союза на суше (цифра 6 на рисунке 1), не такие жёсткие по нескольким причинам, в том числе из-за того, что расширение ЕС продолжается, граница между ЕС и Россией постепенно меняется и до сих пор продолжается ратификация Шенгенского соглашения, которое позволит улучшить координацию европейских стран в вопросах границ, безопасности и информационных систем и, таким образом, остановит незаконную миграцию через границы ЕС от Финляндии до Греции.

Как видно на карте (см. рис. 1), альтернативные маршруты для потенциальных мобалов, стремящихся попасть в страны мирового ядра, лежат через море. У Австралии (цифра 7 на рисунке 1) нет соседей на суше, но она давно имеет дело с нелегальными иммигрантами, которые приплывают с севера, со стороны Индонезии и Новой Гвинеи. Причём иммигранты происходят не только из стран, являющихся морскими соседями Австралии; среди них есть даже афганцы и иракцы. Чтобы контролировать этот поток, Австралия установила непрерывный надзор на побережьях и ведёт операции по перехвату на 3000-километровом побережье Тиморского и Арафурского морей с участием морских патрулей и воздушной разведки. Кроме того, чтобы решить проблемы, возникающие в местах предварительного заключения, правительство Австралии рассматривает законопроект о депортации перехваченных лиц, ищущих убежища, в изоляторы на островах, где будет выноситься решение о легитимности их притязаний на убежище. Иная ситуация в водах между Тайванем и Китаем (цифра 8 на рисунке 1). Тайвань с Южной Кореей и Японией образуют так называемый треугольник Якота (Jacota) — западный форпост мирового ядра. Авианосцы США патрулировали Тайваньский пролив во времена напряженных отношений между Пекином и Тайбэем, но после экономического расцвета в Восточном Китае пролив перестал быть дорогой для мигрантов. Суда ЕС патрулируют воды между Западной Африкой и Канарскими островами (цифра 9 на рисунке 1), перехватывая и возвращая назад африканских мобалов, которые рискуют жизнью, чтобы добраться до испанской территории. А в Средиземном море (цифра 10 на рисунке 1) испанские, французские и итальянские патрули ограничивают незаконную миграцию с побережья Северной Африки подобно тому, как ограничивают миграцию с Кубы во Флориду (цифра 11 на рисунке 1).

Миллионы легальных иммигрантов приехали в страны мирового ядра и продолжают приезжать. Хотя национальные экономики этих стран процветают, сокращение населения и изменение потребностей в рабочей силе вынудят скомпенсировать демографические потери иммиграцией. «Западная стена» вокруг мирового ядра отражает желание региона контролировать приток жителей, хотя растущее неравенство между ядром и периферией, скорее всего, приведёт к обратному. Но это в будущем. В настоящее время в самом широком смысле экономическая, культурная и политическая география ядра и периферии обнаруживает контрасты, которых намного больше, чем сходств. Как правило, родиться в стране ядра значит получить гарантии и возможности, недостижимые на периферии. Исключения есть, но их очень мало; неравенство растёт. География и судьба тесно переплетены.

Примечание: Цифрами обозначены географические места, где правительства пытаются остановить потоки нелегальных мигрантов, перемещающихся с периферии в страны мирового ядра.

Рис. 1. Разделённый мир: ядро и периферия в начале XXI века

Место и судьба

Нетрудно обнаружить сходство между географией апартеида в Южной Африке и раздробленным миром, показанным на карте (см. рис. 1). Физическая и культурная география Южной Африки открывала возможности, которыми могло пользоваться правящее белое меньшинство: природные барьеры, существование разных исторических родин у темнокожих народов, определённый этнический состав в городах (азиаты и британцы в Дурбане, цветные и африканеры в Кейптауне) и концентрация ресурсов в некоторых местах. После создания процветающей экономики с ограниченными возможностями для профессионалов-мобалов сторонники сегрегации закрыли двери и возвели стены апартеида.

Нет, конечно, ничего уникального в том, что африканеры стремились защитить свои привилегии и преимущества, образ жизни и культуру. Так поступали разные социальные группы — и большинство, и меньшинства — на протяжении тысячелетий, и в китайской империи Хань, и в суннитском Ираке. Новым в проекте апартеида был его масштаб: целое государство с десятками миллионов граждан было переделано в соответствии с жёсткой идеологией, основанной на расовой принадлежности и местоположении людей. Даже у суннита Саддама Хусейна были шиитские (и христианские) помощники и сотрудники в Ираке до американского вторжения. Режим африканеров не предусматривал входа в общество белых ни одного африканца, азиата или цветного. Людям свойственно создавать замкнутые

сообщества, куда допускаются только избранные, и эта черта оставила свой след на карте. Если этой тяге к исключению не препятствовать, то она может привести к серьёзным последствиям в любом масштабе, даже на уровне государства.

В этом отношении современная карта мира с ядром и периферией, разумеется, выглядит иначе. Область ядра, показанная на рисунке 1, уже значительно более многонациональна, чем даже Южная Африка до апартеида. Австралия быстро становится плюралистическим обществом (Япония пока не стала), Америка была таким с момента её создания, а Европа пребывает в сложном процессе этнической и культурной трансформации. Но во всём регионе ключевые решения, в том числе решения об исключении, отражённые на карте, по-прежнему принимаются правительствами, очень похожими на те, что были два или три поколения назад. Когда бывший президент США Джими Картер применил термин «апартеид», критикуя политику Израиля по отношению к палестинцам, он мог бы говорить не только об Израиле [Carter 2007]. Сегодня в региональной географии мира более чем ошутимы предпосылки апартеида. Удерживание локалов на месте и максимальное ограничение мобалов закрепляют глобальную дихотомию, представленную на карте.

Тенденция будет иметь далеко идущие последствия. Место и идентичность тесно связаны между собой. Некоторые учёные (например, Аматия Сен) утверждают, что выбор и обоснование могут существенно ослабить власть места, хотя «нет никаких сомнений, что сообщество или культура, к которым принадлежит человек, могут иметь значительное влияние на то, как он видит ситуацию или какие принимает решения <...> когда ты пытаешься что-то объяснить, следует иметь в виду локальные знания, *региональные нормы*¹ и конкретные представления и ценности, распространённые в определённом сообществе» [Sen 2006]. Хотя общепризнано, что талант и образование незаменимы при «выборе идентичности и её обосновании», как выразилась Сен, немногие признают, что «выбор и обоснование» — роскошь, недостижимая для многих, даже имеющих некоторое образование. В самом деле, власть места такова, что до «выбора и обоснования» обычно доходит тогда, когда уже преодолены «региональные нормы».

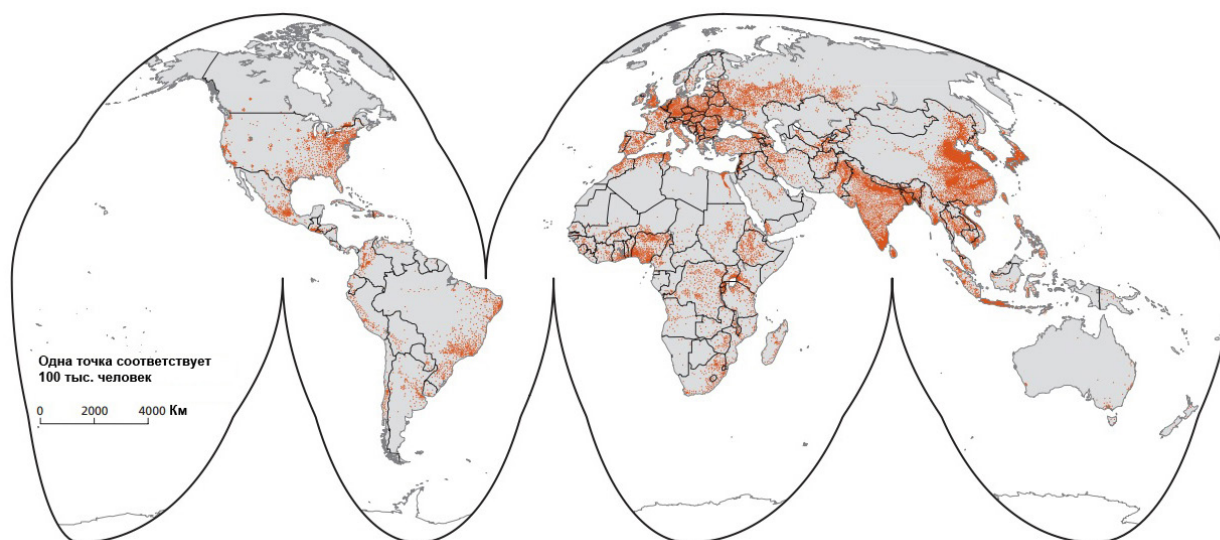
К концу XX века, когда распались Советский Союз и Югославия, многие наблюдатели предсказывали исчезновение государства как ключевого игрока в международных делах. Заменить его должен был континуум сообществ — от наднациональных блоков, таких как Европейский союз, до субнациональных единиц, таких как Каталония. Но и через десять с лишним лет государство остаётся краеугольным камнем международных систем, проецирует власть, защищает культуру, запрещает передвижения. Во многих отношениях государство остаётся наиболее очевидным проявлением власти места, организации общества в погоне за «национальными» целями. Сегодня акценты делаются на успех и катастрофы. В знаменитой книге «Коллапс» Джаред Даймонд обратился к широкому спектру вопросов, чтобы проанализировать, согласно подзаголовку, «почему одни общества выживают, а другие умирают» [Diamond 2005]. Взлёт и падение империй, государств и обществ изучались географией, историей и другими дисциплинами на протяжении веков, и их судьбы обсуждаются до сих пор. Очевидно, что падение, часто внезапное (в противовес длительному росту), представляет собой наибольший интерес: каждого беспокоит упадок тех стран и обществ, которые для него важны. В последние годы, после возникновения понятия «несостоявшееся государство» и осознания возможностей, которые оно предоставляет террористическим организациям, особое внимание сосредоточено на странах типа Афганистана и Сомали. В книге «Закрывание американского сознания» Аллан Блум рассматривает распад ткани американской культуры как ключ к ослаблению американской мощи и влияния в мире [Bloom 1987]. Но более мелкие и менее влиятельные государства претерпевают неудачи гораздо более драматичные, чем ошутимый упадок Америки. Быть может, США миновали свой зенит, но они остаются единствен-

¹ Курсив автора книги. — *Примеч. ред.*

ной сверхдержавой планеты, и эта держава не разваливается. А другие страны и общества взорвались, некоторые на удивление — и пугающе — внезапно. Даймонд перечисляет пять факторов, которые, как правило, в той или иной комбинации, способствуют взрывам: разрушение среды обитания; естественные изменения климата; враждебное поведение соседей; ослабление торговых партнёров поблизости (раньше) и на расстоянии (в последнее время); отношение к окружающей среде. Все эти причины в основе своей — географические, но решающее значение имеет также то, какие решения разные общества находят для одинаковых проблем, поскольку эти изменения непосредственно затрагивают ту комплексную среду, природную и социальную, которая действовала на эти общества в течение очень долгого времени. Могут ли такие обстоятельства породить «несостоявшуюся культуру», как предполагали учёные от Томаса Соуэлла из Гуверовского института (1994) до гарвардского историка Дэвида Лэндиса (1998)? Это лишь гипотеза, вызвавшая серьёзную критику, но она явно связана с препятствиями, физическими и социальными, до сих пор сдерживающими миллионы людей на главных маршрутах передвижения по планете.

Долгосрочная география человечества

Появление и развитие современной цивилизации — драма, эпизоды которой всё ещё не вполне восстановлены, а декорации не определены до конца. Уже не ставится под сомнение, что современный человек появился в Африке совсем недавно; известно, какими путями наши предки проникли из Африки в Евразию и за её пределы. Современные люди достигли Европы примерно в то же время, когда пришли в Австралию, или, возможно, чуть позже, около 40 тыс. лет назад. Началось одомашнивание растений и животных, плодородные речные бассейны стали привлекать всё больше людей и примерно 10 тыс. лет назад наметилась структура расселения, которая видна и сегодня. Таким образом, карта мирового населения (см. рис. 2) показывает долгосрочную демографическую схему, которая сложилась давно, а затем поддерживалась за счёт локального расширения в гораздо большей мере, чем за счёт межрегионального перемещения. Тысячу лет назад больше всего людей жило в Китае; сегодня дело обстоит так же. Народы, живущие между Гималаями и Шри-Ланкой и между реками Инд и Брахмапутра, составляли особый кластер ещё до того, как британский колониализм заключил их в современные границы. Наибольшие изменения в распределении населения за последние тысячелетия произошли не в том регионе, который Хэлфорд Маккиндер так метко назвал мировым островом, состоящим из Евразии и Африки [Mackinder 1904], а на форпостах человечества в Америке и Австралии, где европейцы истребили ранее прибывших (даже сегодня человеческая популяция «мирового острова» превышает население остального мира — 5,4 и 1,3 млрд человек соответственно). Народы Евразии и Африки, а также индейцы и австралийские аборигены жили в привычной местности с привычными природными условиями, будь то речные бассейны или саванны, плоскогорья или тропические пустыни, в течение тысячелетий. За исключением, конечно, тех, кто нанёс катастрофические повреждения своей естественной среде или столкнулся со значительными изменениями климата. Изменение климата, которое мы, как правило, рассматриваем в глобальном контексте, может быть поразительно значимым на локальном уровне.

Примечание: В этой методике отображения распределения населения мира одна точка соответствует 100 тыс. человек. Карта обнаруживает сохранение древних, основанных на сельском хозяйстве, паттернов на «мировом острове» (Евразия и Африка); два крупнейших кластера населения лежат на мировой периферии.

Рис. 2. Распределение населения мира

Помимо тех мест, где пространство уже ограничено водами океана, как в Японии, Исландии, Новой Зеландии и на многих тихоокеанских островах, сетка «национальных» границ, привычных нам сегодня, была наложена на мир сравнительно недавно. В сущности, это продукт последних пяти столетий, хотя само понятие о межгосударственных границах гораздо старше. С помощью стен в Риме и Китае пытались обозначить и укрепить рубежи империи и контролировать передвижения людей, но до колониальной эпохи мир не был поделён на части между конкурирующими державами. (Интересно, что из многих тысяч островов, среди которых сотни больших и важных, «государственными» границами были разделены менее дюжины.) Сеть границ, подверженная изменениям, которые происходят до сих пор, разобщила людей, и они в новых пределах столкнулись с новыми экологическими и экономическими проблемами. Народы, нанёсшие серьёзный ущерб своей естественной среде, больше не могли перебраться в другое место и бросить последствия своих действий. Тем, кого угнетали правители, стало намного труднее сбежать. Миллионы погибли на стенах и заборах, во рвах и реках нашего заново разделённого мира.

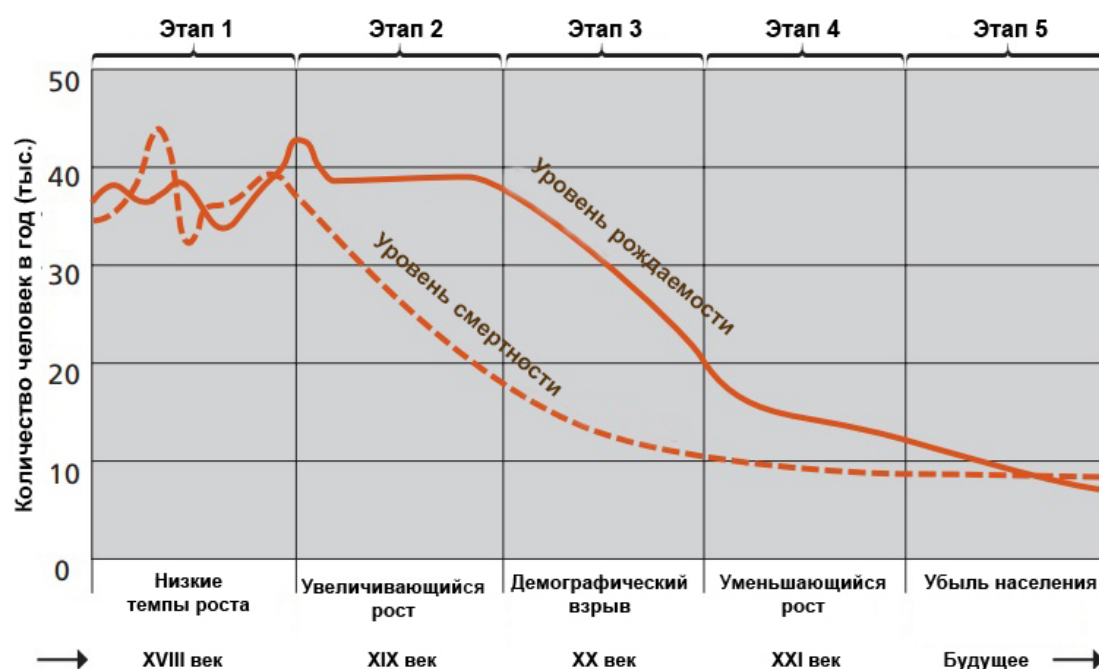
Рисунок 2 отражает три этапа географического распространения людей: во-первых, древнюю эмиграцию из Африки и оккупации Европы с последующими миграциями в Северную и Южную Америку; во-вторых, недавнее проникновение в Новый Свет европейских эмигрантов, которые, принеся с собой огнестрельное оружие и болезни, уничтожили своих предшественников, загнали их в отдалённые районы и обрекли на изоляцию; в-третьих, недавний стремительный прирост населения мира, которое чуть более чем за столетие выросло от одного миллиарда человек до почти семи миллиардов. Карта не показывает последствия этого взрыва: более чем половина населения планеты теперь живёт в городах, а процессы урбанизации ускорились. Круизный лайнер «Земля» перестраивается, и судьба его пассажиров меняется.

Модели, мобалы и миграция

Когда учился в аспирантуре в Северо-Западном университете и потом, когда работал на кафедре географии в Мичиганском университете, я обращал внимание на то, как некоторые из ведущих учёных мира выражают свои взгляды на будущее планеты. Геолог Артур Хаулэнд назвал дрейф континентов

мистицизмом и предсказал, что понятие «движение суши» исчезнет до появления того, что он назвал видимым свидетельством. Политолог Дэвид Эптер предсказал захватывающее будущее Африки, которая, получив политические свободы и экономические возможности, станет серьёзным конкурентом Европы. Британский учёный Найджел Колдер прогнозировал быстрое охлаждение планеты, при котором народы будут смещаться в сторону тропиков, спасаясь от снега и льда. Биолог Пауль Эрлих предупреждал, что демографический взрыв спровоцирует сильный голод, миллиарды пострадают и ещё до конца XX века наступят бедствия и хаос.

Видите, как рискованны даже краткосрочные прогнозы, но достоинство таких предсказаний в том, что они, как правило, порождают энергичную и часто продуктивную дискуссию. Пример тому — трансформация так называемой модели демографического перехода за последние полвека (см. рис. 3). Эта модель должна отражать и прогнозировать этапы естественного роста, через которые прошли и пройдут национальные и региональные популяции. Полвека назад цикл состоял из трёх этапов и предполагал, что всё население пройдёт через период высоких темпов роста (демографический взрыв), за которым последует продолжительное значительное увеличение численности населения. Пару десятилетий назад стало ясно, что некоторые популяции (в том числе самые урбанизированные) проживают четвёртый этап, характеризующийся низким темпом роста. Теперь же очевидно, что по различным причинам всё больше обществ (то есть стран) находится на пятом этапе — отрицательного роста, как это называют демографы, то есть их население сокращается. В совокупности эти факторы могут привести к выводу, что население планеты в течение нынешнего столетия вообще перестанет расти и может начать снижаться. По прогнозам, это произойдёт, когда на планете будет 9–10 млрд человек, но мы знаем, насколько рискованны предсказания, тем более долгосрочные.

Примечание: Быстро сокращающийся уровень смертности и по-прежнему высокий уровень рождаемости породили демографический взрыв XX века. Некоторые страны по-прежнему находятся на третьей стадии цикла, но другие — на пятой стадии, численность их населения стабильна или снижается. Мировые темпы естественного прироста сегодня находятся на четвёртой стадии.

Рис. 3. Модель демографического цикла

Не вызывает сомнений то, что уменьшающиеся национальные популяции нуждаются в иммигрантах, чтобы компенсировать отрицательный рост. Политики Японии, одного из тех государств, где численность населения снижается очень быстро, по-видимому, считают, что с этим процессом можно спра-

виться без замещения иммигрантами. Япония по-прежнему остаётся сегодня наиболее этнически и культурно однородным сообществом. Но иммиграция трансформирует другие страны и регионы. При том что Австралия всячески препятствует проникновению в страну нелегальных мигрантов, она поддерживает иммиграцию легальную, становясь мультикультурным обществом. Пятьдесят лет назад, когда население Австралии было в два с лишним раза меньше, чем сегодня, 95% австралийцев были европейского происхождения, а три четверти — выходцами с Британских островов. Евгеническая (расово избирательная) иммиграционная политика способствовала сохранению этого положения дел до 1970-х гг., когда Австралия отметила своё двухсотлетие. Затем политика изменилась, и критерием для легальной иммиграции стали деньги и навыки, а не происхождение. К началу 1990-х гг. Австралия принимала почти 150 тыс. иммигрантов ежегодно, в основном из Гонконга, Вьетнама, Китая, Филиппин, Индии и Шри-Ланки (пропорциональное количество для Соединённых Штатов составляло бы более двух миллионов приезжих *в год*). Этот приток создал социальные проблемы, которые вынудили страну уменьшить объём легальной иммиграции, но и сейчас в страну ежегодно прибывает около 80 тыс. человек. Кто-то из них — твёрдо стоящие на ногах глобалы, но многие — мобалы, которые ищут новые возможности и лучшую жизнь или убежище. Сидней, где проживает почти четверть населения Австралии, принимает основную долю азиатов и быстро превратился в мозаику этнических районов. При этом в столице стало больше организованной преступности, участились беспорядки, случаи насилия и употребления наркотиков — всё, что, как правило, не ассоциируется с жизнью в «счастливой стране». Но каждому инциденту такого рода можно противопоставить тысячи мобалов, которые приехали в Австралию, играли по правилам и преуспели в свободном и открытом обществе, готовом их принять.

Вопрос миграции не на шутку беспокоит американцев и европейцев, иммиграция существенно трансформировала североамериканское и западноевропейское общества. В Соединённых Штатах, как уже отмечалось, присутствие приблизительно 12 млн нелегальных иммигрантов — самых мобильных из мобалов — стало политическим вопросом для администрации Буша-младшего, когда предложения по частичной легитимизации этих мобалов были объединены с планами по укреплению барьеров на пути миграции из Мексики. США, самое крупное из богатых государств мира, соседствуют со страной, которая является типичным представителем периферии, и Мексика служит каналом для мобалов, прибывающих из других стран Центральной Америки. Но в 2006 г. в докладе ООН «Международная миграция и развитие» подчёркивалось, что глобальный поток миграции остаётся сравнительно небольшим. В 1990–2005 гг. число мигрантов в мире выросло со 155 млн до 191 млн человек, что не составляет и 3% населения планеты. Даже там, где миграцию поощряют, а не препятствуют ей (в частности, в рамках расширяющегося Европейского союза), доля работников, пересекающих международные границы, остаётся удивительно низкой. Подавляющее большинство жителей нашей планеты продолжают жить в той стране и в том сообществе, где родились. Локалы значительно превосходят численностью мобалов, даже когда богатые страны мирового ядра нуждаются во всё большем количестве мигрантов.

Мигранты и их мотивы

ООН и другим организациям непросто дать определение, кто такие мигранты. Цифры, приведённые выше, относятся к международным мигрантам, которые пересекли одну или несколько государственных границ, чтобы достичь места назначения, и прожили за пределами своей родины год или более. О значительных ограничениях миграции на длинные расстояния говорит то, что число международных мигрантов очень мало, а число межкультурных ещё меньше. Мексиканские иммигранты в США — и международные, и межкультурные; они подобны индийцам и пакистанцам, переезжающим в Западную Европу, и нигерийцам, мигрирующим в Великобританию. А миллионы пуштунов, которые переехали из раздираемого войной Афганистана в Пакистан во время советской интервенции и остались там на годы, пока бушевал конфликт, были мигрантами международными, но не межкультурными. Сегодня из-за войны в Ираке иракцы массово бегут к непосредственным соседям (в Сирию и Иорданию),

и лишь малая часть беженцев добирается до Европы, Америки или других частей немусульманского мира, становясь межкультурными мигрантами. К тому же, скорее всего, большая часть беженцев вернётся в Ирак.

Конечно, международная миграция намного меньше внутренней. Сотни миллионов мигрантов при передвижении не пересекают международных границ. Одна из великих миграций прошлого поколения продолжается в Китае, где экономический подъём областей Тихоокеанского побережья, урбанизирующегося востока, привлекает миллионы жителей сельского запада. Миграция из сельских районов в городские — глобальный феномен, в который вовлечено намного больше внутренних мигрантов, чем международных, а подлинно международные города (такие как Нью-Йорк и Лондон) сильно уступают в росте тем мегаполисам, которые увеличиваются в основном за счёт внутренней миграции (Токио, Сан-Паулу, Мехико, Лагос).

Хотя модели будущих миграционных потоков прогнозируют расширение международной миграции, они также показывают, что темпы её роста не будут соответствовать потребностям исходного пункта и пункта назначения. Если рассмотреть этот процесс с точки зрения географии, станет ясно, что беднейшие из бедных стран производят наименьшую долю международной миграции. Возникла целая отрасль торговли и контрабанды, эксплуатирующая людей, которые надеются достичь мирового ядра, и лишь сравнительно немногие из них могут собрать достаточно денег, чтобы рискнуть. Кроме того, когда уровень жизни в стране исхода становится близок к уровню жизни в пункте назначения, поток мигрантов снижается. Это решение миграционного вопроса может оказаться эффективным, и о нём часто говорят, когда идёт речь как снизить приток мексиканцев в США: нужно просто поднять уровень жизни в Мексике.

Но Соединённые Штаты не страдают — пока — от быстрого старения и сокращения населения, что свойственно популяциям всего мирового ядра и рано или поздно станет проблемой и американцев. В Мексике и в Латинской Америке велики разрывы в уровне доходов и богатства, а многие живут в крайней нищете, и всё это снова и снова толкает людей на переезд из родной страны. В США неравенство доходов растёт, заработная плата не увеличивается, а некоторые теряют работу. Это подогревает недовольство и без того плюралистического общества, которое приняло миллионы иммигрантов, и большой вопрос о незаконной иммиграции вызывал яростные споры во время избирательной кампании 2007–2008 гг., после того как предложение президента Буша об иммиграционной амнистии потерпело поражение в Конгрессе.

Кому выгодно такое положение дел? Пока гибкие американские рынки труда могут принять миллионы рабочих, пересекающих границу, основными бенефициарами процесса являются Мексика и её граждане (Мексика ежегодно получает от своих мобалов около 25 млрд долларов, что составляет 3,4% валового внутреннего продукта страны). В Европейском союзе дело обстоит иначе. Непосредственное следствие старения населения — изменение количества молодых новичков на рынке труда. В мировом ядре всё ещё на 100 уходящих на пенсию в год приходится около 140 тех, кто ищет работу, но к 2020 г. их будет меньше 90. Таким образом, потребность в иммигрантах будет расти по экспоненте, несмотря на негативное отношение к ним. Например, хотя часто утверждают, что из-за мигрантов уменьшается заработная плата низкоквалифицированных работников, исследования показывают, что со временем низкооплачиваемые мигранты побуждают локалов искать и закреплять за собой более высокооплачиваемую работу. А какая ситуация в странах, из которых уезжают? Согласно докладу ООН, в бедных странах мира насчитывается более 340 претендентов на каждые 100 рабочих мест, освобождающихся ежегодно. Безработица и бедность создают площадки для политических, религиозных и других форм экстремизма. Миграция, координируемая на международном уровне, могла бы стать предохранительным клапаном для всего мира, но её поток продолжают сдерживать. В то же время межкультурный

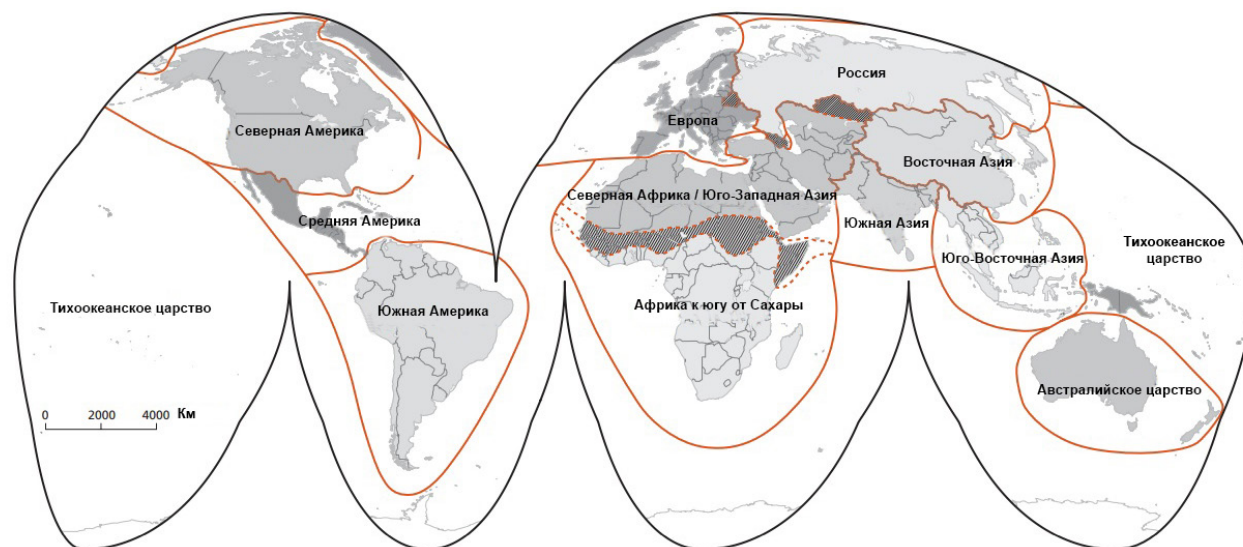
конфликт между мобалами и локалами, который время от времени усиливается террористическими актами, укрепляет решимость тех, кто стремится ещё больше ограничить миграцию.

Мир баррикад

Если численность населения планеты приближается к семи миллиардам, а число международных мигрантов в 2008 г. составляло около 200 млн человек, значит, Земля не так уж удобна для передвижения, какой была бы, будь она «плоской». Хотя крупнейшие в истории миграции с участием десятков миллионов людей изменили распределение населения, сложившееся в результате доисторического расселения человека, его очертания всё ещё видны на современной карте. По мере того как население росло и общества дифференцировались вертикально, а культуры — идеологически, на сцену вышла политическая власть, построившая стены, заборы, укрепления на берегах рек и горных хребтах. Европейский империализм завершил процесс, начавшийся на раннем этапе формирования государства, наложив на мир сетку границ — от Сербии до Сомали, которая по-прежнему развивается. Эти границы, проведённые до того, как были обнаружены многие месторождения природных ресурсов, и часто преднамеренно игнорировавшие географию культуры, повлекли за собой новые неравенства и барьеры в современном мире, о которых изначально никто и не подозревал. Хорошая карта — а лучше это делает глобус — раскрывает некоторые из этих различий, начиная с размеров и взаимного расположения государств (более 10% стран в мире не имеют выхода к морю) и кончая расстоянием до главных путей международного взаимодействия. Специализированные карты показывают, как жребий при разделе благоприятствовал одним государствам и обездолил другие — с точки зрения сырья, природной среды и возможностей развития.

Не только государства разделены границами; сегодня мир раздроблен и на уровне более крупных регионов. Дихотомия ядра и периферии, описанная выше, лишь одно из проявлений этого феномена; другое описал Сэмюэл Хантингтон в монографии «Столкновение цивилизаций?» [Huntington 1996]. Более «географические» границы, основанные в меньшей степени на власти и конфликте и в большей на пространственных реалиях культуры и этнической принадлежности, позволяют объединить две сотни стран мира в десяток «царств» (см. рис. 4). Но какого подхода ни придерживайся, наш мир по-прежнему разъединён, многочисленные препятствия и барьеры сдерживают бесчисленных потенциальных мобалов, которые, оставаясь бедными и бесправными локалами, не имеют никаких шансов на спасение и не могут влиять на тех, кто определяет их судьбу. Другие, казалось бы, менее стеснённые обстоятельствами, более образованные и способные, находят удовлетворение в этом сдерживании или, возможно, смиряются, взвесив риск и неопределённость, связанные с переездом, в сравнении с надёжными традициями и привычками. Независимо от обстоятельств подавляющее большинство пассажиров нашей планеты проживают свою жизнь в той же природной и культурной среде, в которой родились, хотя многие хотят, но не могут присоединиться к небольшому потоку межкультурных мобалов и так и не попадают в коридоры глобализации.

Такое разделение — на глобальном, региональном, национальном, локальном уровнях — замедляет выравнивание социальной платформы планеты, её «уплощение», которое подразумевает глобализация. От родного языка до доступа к медицине, от всепроникающей религии до политической идеологии, от эндемического конфликта до экологической опасности, от уклада жизни (*lifeway*) до стиля жизни (*lifestyle*) — всё это неразрывно связано между собой и определяет место жизни и судьбу человека. Изменчивая география возможностей и ограничений такова, что глобалы, разъезжающие по миру, и локалы, ограниченные своим местом, живут в очень разных и очень неравных мирах.

Примечание: Один из способов представления географии мира основан на сочетании физических, культурных, политических и экономических факторов. Не все региональные границы определены чётко, но в таком масштабе можно показать только несколько крупных переходных зон в Африке, Центральной Азии и Восточной Европе.

Рис. 4. Географические царства мира

Литература

Bloom A. 1987. *The Closing of the American Mind*. New York: Simon & Schuster.

Carter J. 2007. *Palestine: Peace Not Apartheid*. New York: Simon & Schuster.

Cohen J. E. 2003. Human Population: The Next Half Century. *Science*. 302 (5648): 1172–1175.

Diamond J. 2005. *Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed*. New York: Viking.

Domingo J. 2004. *South Africa*. Philadelphia: Chelsea House.

Fung V. K., Fung W. K., Wind Y. 2008. *Competing in a Flat World: Building Enterprises for a Borderless World*. Upper Saddle River, NJ: Pearson Education/Wharton School.

Huntington S. P. 1996. *The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order*. New York: Simon & Schuster.

Mackinder H. J. 1904. The Geographical Pivot of History. *Geographical Journal*. 23 (4): 421–437.

Mandela N. 1994. *Long Walk to Freedom*. Boston: Little, Brown.

Sen A. 2006. *Identity and Violence: The Illusion of Destiny*. New York: Norton.

NEW TRANSLATIONS

Harm de Blij

The Power of Place: Geography, Destiny, and Globalization's Rough Landscape (excerpt)

BLIJ Harm J. de (1935–2014) was a geographer. He was a geography editor on ABC's *Good Morning America*, an editor of *National Geographic Magazine* and the author of several books.

Abstract

Numerous books and articles published in recent years argue that the human world today is so mobile, so interconnected, and so integrative that it is, in one prominent and much-repeated assessment, “flat.” Ancient and durable obstacles are no more, interaction is global, free trade rules the globe, migration is ubiquitous, and the flow of ideas (and money and jobs) is so pervasive that geography, in the perspective of more than one observer, “is history.” The notion that place continues to play a key role in shaping humanity's still-variegated mosaic is seen as obsolete.

This book ranges over natural as well as cultural landscapes to assess the role of place in enabling as well as obstructing the world's march toward integration, mobility, and interconnection. For all the liberating changes that have already occurred, place of birth still has a powerful influence over the destinies of billions. For all our heralded mobility, the overwhelming majority of us will die relatively close to the place where we were born. For all the “flattening” perceived and relished by globals, the world still is dauntingly rough terrain for many more locals. From personal safety to public health, from compulsory religion to coercive authority, the world remains a mosaic of places presenting widely varying combinations of challenges to their inhabitants. What makes this power of place and how it can be mitigated are the interlocked themes of the discussion that follows.

Journal of Economic Sociology publishes the first chapter “Globals, Locals, and Mobals,” in which the author considers the opposition of “locals” and “globals”, explains the motivation of “mobals,” and also argues why geography and “place” are still important concepts for understanding the modern world.

Keywords: national state; horizontal mobility; migration; culture; globalization; social inequality; geography.

References

Bloom A. (1987) *The Closing of the American Mind*, New York: Simon & Schuster.

Carter J. (2007) *Palestine: Peace Not Apartheid*, New York: Simon & Schuster.

Cohen J. E. (2003) Human Population: The Next Half Century. *Science*, vol. 302, no 5648, pp. 1172–1175.

Diamond J. (2005) *Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed*, New York: Viking.

Domingo V. (2004) *South Africa*, Philadelphia: Chelsea House.

Fung V. K., Fung W. K., Wind Y. (2008) *Competing in a Flat World: Building Enterprises for a Borderless World*, Upper Saddle River, NJ: Pearson Education/Wharton School.

Huntington S. P. (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order*, New York: Simon & Schuster.

Mackinder H. J. (1904) The Geographical Pivot of History. *Geographical Journal*, vol. 23, no 4, pp. 421–437.

Mandela N. (1994) *Long Walk to Freedom*, Boston: Little, Brown.

Sen A. (2006) *Identity and Violence: The Illusion of Destiny*, New York: Norton.

Received: November 10, 2021

Citation: De Blij H. (2023) Vlast mesta [The Power of Place: Geography, Destiny, and Globalization's Rough Landscape (excerpt)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 24, no 2, pp.49–68. doi: [10.17323/1726-3247-2023-2-49-68](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-2-49-68) (in Russian).